

Рус. *дубоглот*
в заговорах и
диалектной лексике
(к изучению
мифопоэтической
мотивации слов)*

**Татьяна Алексеевна
Агапкина**

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

Russian 'duboglot'
in Charms and
Dialectal Vocabulary
(towards Investigation
of Mytho-Poetic
Motivation of Words)

Tatyana A. Agapkina

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается слово *дубоглот*, которое функционирует в русских говорах (преимущественно южнорусских) в значениях 'сильный сухой кашель, обычно сопровождающийся болью в горле', 'ангина'. Осуществляется

* Работа Е. Л. Березович выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики». Авторы благодарят Т. В. Володину и С. М. Толстую за ценные замечания, высказанные при подготовке статьи.

Цитирование: Агапкина Т. А., Березович Е. Л. Рус. *дубоглот* в заговорах и диалектной лексике (к изучению мифопоэтической мотивации слов) // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 314–337.

Citation: Agapkina T. A., Berezovich E. L. (2020) Russian 'duboglot' in Charms and Dialectal Vocabulary (towards Investigation of Mytho-Poetic Motivation of Words). *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 314–337.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.14

семантико-мотивационная реконструкция этого слова с опорой на его роль в тексте. Авторы приходят к выводу, что слово попало в диалектную систему из фольклорных произведений (преимущественно заговорных), где оно обозначает заболевания, касающиеся воспаления ротовой полости, глотки и нижних дыхательных путей и сопровождаемые сильным кашлем, болевыми ощущениями. Устанавливается, что чаще всего слово выступало в текстах в составе формулы «X (дерево), возьми свой Y (дубоглот), иначе я тебя съем / проглочу», которая обращена изначально к дубу как к удобному «восприемнику» болезней, изгоняемых из пространства говорящего. Авторы высказывают предположение, что слово *дубоглот* «наведено» логикой разворачивания текста: это тот «дубовый глот» (*глот* — способность собственно глотать), который должен принадлежать дубу, а не больному человеку. Творение слова в рамках заговорной конструкции поддерживается теми возможностями, которые заложены в системе языка. Во-первых, это образ дубовой «пасти» (глотки), который формируется на основе естественных свойств и особенностей дуба и закрепляется если не во внутренней форме слова (это спорный вопрос), то в устойчивой сочетаемости *дуб* ↔ *дупло*, а также поддерживается на синхронном уровне фонетической близостью этих слов. Образ дерева, во-вторых, имеет еще одну грань: образ корней дерева и его кроны проецируется на представление о разрастании опухоли (в т. ч. в горле); корни и крона дерева одновременно как бы являются и «инструментом» для прочистки горла. Еще одна грань образа связана с тем, как видятся носителю языка свойства коры: есть продуктивная для русского языка модель, закрепляющая связь обозначений древесной (дубовой) коры и опухолей на теле человека (в т. ч. опухолей горла); сама же дубовая кора — вообще «архетип» коры, жесткой, шершавой, обдираемой с поверхности дерева (что соответствует «дерущим» ощущениям при боли в горле).

Работа выполнена на материале транскрипций исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru).

Ключевые слова

русская диалектная лексика, лечебные заговоры, народная медицина, семантико-мотивационная реконструкция, композиты, лексическая инерция

Abstract

The article considers the word *duboglot*, which functions in the Russian dialects (mainly South Russian) in the meanings of ‘strong dry cough, usually accompanied by a sore throat,’ ‘angina.’ Semantic and motivational reconstruction of this word is carried out based on its role in the text. The authors conclude that the word got into the dialect system from the folklore (mainly from the charms), where it refers to diseases related to inflammation of the oral cavity, pharynx and lower respiratory tract, and accompanied by a strong cough, pain. It is established that most often the word appeared in the texts as a part of the formula “X (a tree), take your Y (duboglot), otherwise I will eat you / swallow you,” which is initially addressed to an oak tree as a convenient “recipient” of diseases that are expelled from the speaker’s space. The authors suggest that the word *duboglot* is “induced” by the logic of unfolding the text: this is “the oak glot” (glot is the ability to swallow – from the Russian verb *glotat* ‘to swallow’), which should belong to an oak, not a sick person. The

word creation within the framework of a spoken construction is supported by the capabilities that are inherent in the language system. Firstly, it is the image of an oak "mouth" (throat), which is formed on the basis of the natural properties and features of oak. This image could be fixed in the internal form of the word itself, which is a controversial issue, but it certainly is seen in the stable compatibility of *dub* 'oak' ↔ *duplo* 'hollow', and at the synchronous level is also supported by the phonetic proximity of these words. The image of a tree, secondly, has another facet: the image of roots of a tree and its crown is projected on the idea of the growth of a tumour (including one in the throat); roots and crown of a tree simultaneously seem to be a "tool" for clearing the throat. Yet another facet of the image is related to how the native speaker sees the properties of a bark: there is a productive model for the Russian language that fixates the connection between the designations of wood (oak) bark and tumours on the human body (including throat tumours); oak bark itself is generally an "archetype" of a bark, hard, rough, stripped from the surface of a tree (which corresponds to "tearing" sensations with a sore throat).

Keywords

Russian dialect vocabulary, curative charms, folk medicine, semantic and motivational reconstruction, composites, lexical inertia

Едва ли не самый трудный случай мотивационного анализа — работа со словами и фраземами, имеющими понятную формальную структуру, но неясную мотивацию. Ее реконструкция особенно усложняется функционированием слова не только в обыденном языке, но и в контексте обряда и фольклора (особенно его магических жанров, подчиняющихся своей логике смыслопорождения).

В настоящей статье будет представлен корпус смыслов, который связан со словом *дубоглот*, функционирующим в системе русских народных говоров (преимущественно южнорусских), а также в заговорных текстах. Вероятно, это слово обладает особой мифопоэтической мотивацией, образующей необычную конфигурацию смыслов. Ее невозможно интерпретировать с тех позиций, с которых мы привыкли прочитывать внутреннюю форму большинства современных слов. Это слово упоминали Т. В. Володина [2013: 75–76] и Д. Н. Лоскутова [2010: 163–165], но подробно вопрос о его происхождении до сих пор не разрабатывался. Задача статьи — попытаться предложить его мотивационную интерпретацию.

Слово *дубоглот*: значения, варианты, синонимы

Слово *дубоглот* принадлежит лексике русской традиционной медицины. СРНГ предлагает для него два основных значения: 1) 'сильный сухой кашель, обычно сопровождающийся болью в горле' и 2) 'ангина'

[СРНГ, 8: 238–239]¹. Недуги и болезненные проявления, называемые этим словом (т. е. ангина и другие болезни с симптомами сильного кашля)², лечатся с помощью магических приемов, в том числе заговоров, например: «Дубаглот, дубаглот! Вазьми муой глот» (Воронежская губ., от сухого кашля) [Тростянский, Гришкин 1916: 156]; речь о них пойдет ниже.

По сути, практически всё, что нам известно о *дубоглоте*, мы знаем именно из заговоров — из вербальных текстов и описаний сопутствующих им действий. Иными словами, и узус этого слова, и его семантика выводятся почти исключительно из фольклорного и ритуального контекста, поскольку в диалектной лексике вне его слово фиксируется крайне редко. На данный момент нам известны лишь четыре фиксации слова *дубоглот*, когда его употребление не связано с фольклорным контекстом. *Дубоглотом* назывались в этих случаях:

▪ сильный кашель — брян. «У тябе кашыль очинь суровый — дубаглот» [СБГ, 5: 44];

▪ ангина — дон. «Дубаглот, када глотка балить» [БТСДК:142, 167]; тамб. «Ангина, часто она. У тибе-т была када иль нет? Ну, тады че ж, щас и уколы, лечуть, а тада попарится чем там, проходить, а не прошла — умяр. Да эт самая она и то, дубоглот, вот тады к бабкам, и вот тах-т вот мнуть», «По-старинному дубоглот называется, ды глотать больно, да, апухайть» [Лоскутова 2010: 319, 164]);

▪ кашель с болью в горле [ДО: 320]³.

Анализируя контексты, представленные не в словарях, а собственно в фольклорных и этнографических источниках, можно обнаружить, что слово *дубоглот* имело более широкий круг значений. Этим словом называли заболевания, касающиеся воспаления ротовой полости, глотки и нижних дыхательных путей и сопровождаемые сильным кашлем, болевыми ощущениями, — прежде всего ангину, а также воспаление зева и подчелюстных желез, стоматит, коклюш, дифтерит, скарлатину, иногда воспаление легких и ряд других болезней. Гораздо реже *дубоглотом* называли грудную жабу, которая связана с коронарной недостаточностью и затруднением дыхания.

¹ Из других значений для рус. *дубоглот* единично отмечается брян. 'растение (какое?), употребляемое для лечения простуды' (есть также форма *дубоглотнице*) [СБГ, 5: 44]. Возникновение фитонимических значений у слов, обозначающих болезни, для лечения которых употребляется то или иное растение, — явление, как известно, нередкое.

² О причинах выбора подобных болезней (представлявших собой огромную опасность, особенно в таком варианте, как детская дифтерия) в качестве объекта языковой и манипулятивной магии, см. [Володина 2013].

³ Контекст не приводится, поэтому трудно судить о том, оторвано слово от текста заговора в данном случае или нет.

Слово *дубоглот* (если совокупно представить данные диалектных словарей и фольклорных источников) известно на юге Европейской России: Курская, Орловская, Брянская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская, Ростовская, Волгоградская обл. Помимо слова *дубоглот* в тамбовских говорах фиксируется форма *дыбоглџт* (явно вторичная): «Возьми сябе дыбоглот, отдай, отдай нам глот...» [Лоскутова 2010: 164]. В. И. Даль оформляет слово в виде *дубоглџд* 'болезнь жаба; каша и воспалительная боль в горле' (курск.), но не приводит контекстов, подтверждающих конечный согласный [Даль, 1: 513]. Появление конечного *д* — естественное притяжение *глот-* ↔ *глџд-* (*глџдать*). В одном из заговоров отмечена форма *дубоглџть* (судя по согласованию, воспринимающаяся как слово муж. р.) [Перетц 1914: 78]. Есть также словообразовательный вариант *дубоглотка* 'стенокардия' (зафиксированный в сибирском региолекте)⁴.

Помимо термина *дубоглот* в заговорах, о которых идет речь, используются также и другие обозначения перечисленных болезней, более употребительные и распространенные гораздо шире слова *дубоглот*. Это названия, производные от слов с основным или метафорическим значением 'горло / глотка'. Выделяются три группы таких наименований. Прежде всего это обозначения болезней, метонимически связанные с *глџтать*, такие как *глот / глџть*, *глџтанџц*, *глџтошная*, *глџтанка*, *глџтница* и т. д. [СРНГ, 6: 200–203]. Во-вторых, это производные от слова *горло*, такие как *горловая*, *горлянка*, *горланка*, *горловица*, *горлодав*, *горлуша*, *горловик*, *горлица*, *горловица* и проч. Третья группа — слово *жаба* и конструкции с его участием⁵; этому слову присущи как значения 'рот / пасть', так и 'болезни горла / глотки; ангина'⁶.

Характеристика заговоров от дубоглџта

Изучаемые заговоры представляют собой короткие вербальные формулы. Инвариантная формула такого заговора выглядит следующим образом: «Дуб, возьми свой дубоглот (болезнь), иначе я тебя съем / проглџчу». Сопутствующие произнесению формул действия обычно малопримечательны. Единственное, что обращает на себя внимание, — то, что, читая подобный заговор, знахарка часто смотрит на лес или находит взглядом то или иное дерево.

⁴ Надо отметить, что фиксация весьма невятна [Сибирска вольгота].

⁵ Семантическая связь лексем *žaba* 'земноводное' и *žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных' проанализирована в [Меркулова 1963; Березович 2007: 311–319].

⁶ Другие названия встречаются значительно реже, ср., например, юж., ряз. *завџлка* [СРНГ, 9: 293], кубан. *пџколки* [СРНГ, 25: 155], кубан. *шџшки* [Костина 2008: 325], урал. казаки *ядрџ* [Малеча, 4: 514] и т. п.

Варианты этой формулы известны преимущественно у русских, в значительно меньшей степени — у украинцев. В целом вариантов насчитывается совсем немного — порядка 30⁷. География этой формулы ограничена в основном южнорусскими областями с редкими выходами за их пределы; встречаются аналогичные формулы также на территориях вторичного заселения. В украинской традиции эти заговоры отмечаются редко и вразброс, так что составить более ясную картину пока возможным не представляется. В составе подобных вербальных формул употребляется как слово *дубоглот*, так и его аналоги *глот*, *жаба* и некоторые другие.

Вот несколько примеров подобных формул.

▪ «От завала горла. Дуб, дуб, возьми свой дубоглот, а не возьмешь, а тебе съем с ветьем и с кореньем, гам, гам, гам. (Говорить трижды по утру до восхода солнца, а больное место давить тремя пальцами правой руки)» (скорее всего, южнорусское или восточнукраинское; рукописный заговор) [Перетц 1914: 78].

▪ При затрудненном дыхании или боли в горле знахарка обращается в сторону леса: «Дуб, дуб! возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу, сухой дубоглот, и глот от раба Божия (имярек)! Не возьмешь свой дубоглот, он тебя с ветвями и с кореньями проглотит» (Воронежская губ.) [Майков 1992, № 100].

▪ Иногда угроза может быть сформулирована иначе: «Дуб, дуб! Возьми свой дубоглот, а то прилечу — с корнем тебя выворочу, срублю, сожгу!» (Воронежская губ.) [Селиванов 1886: 98].

Как уже упоминалось, в подобных заговорах, обращенных к дубу, широко используются и другие, более общеупотребительные обозначения названных болезней, и прежде всего *глот* и *жаба*. Вот такие примеры, которые, видимо, особенно широко были известны в Саратовском Поволжье:

▪ «Дуб, дубанец, добрый молодец, возьми с имярека глотанец! А не возьмешь, проглочу с ветками и с кореньями» (Оренбургская губ., переселенцы из Тамбовской губ.) [Горбунов 1894: 3]; ср. аналогичный текст, записанный в Саратовской губ. [Попов 1903, № 90].

▪ «От боли в голове. Выводят больного в лес и, поставив его под дубом, лекарка говорит: “Дуб, дуб, возьми свою глоть, — повторяя слова эти три раза, — не возмешь свою глоть, сглону тебя с ветвями и кореньями”; потом, разинув рот, хамкнет на этот дуб, после чего три раза на стороны дунет и плюнет» (Саратовская губ.) [Меликов, л. 43].

⁷ Конечно, для исследования фольклорного слова контекст в данном случае нельзя назвать широким, но нам остается только удовлетвориться имеющимися материалами.

▪ «Там же, в Саратовской губ., при боли в горле «идут к лесу и окидывают глазами весь лес, чтобы сразу увидеть дуб. Попавшийся на глаза дуб не спускают с глаз и идут к нему. Подойдя к нему, наминают больное место безымянным пальцем правой руки, говоря: “Дуб, дуб, сырый дуб! Возми, дуб, жабу с раба Б. Н. Если не возьмешь, съем тебя с листьями, с сучьями, с кореньями. Хам!”» [Розанов, л. 13].

Как часто бывает, отдельные фрагменты полной формулы функционируют самостоятельно, причем в данном случае это может относиться как к первой части формулы: «Дуб, возьми свой дубоглот», так и ко второй: «Я тебя съем».

Вот примеры реализации первой части **«Дуб, возьми свой дубоглот»**: «Дубе-дубище, возьми свое глотище от имярек» (Курская губ.) [АрхРАН, СПб, ф. 216, оп. 4, ед. хр. 236, л. 14]⁸; «У, дуб-дубище, возьми свое зубище. А ты, мать белая береза, возьми свою жабищу, теменную... ротовую, глотовую...» (Калужская обл. [Аникин 1998, № 1469]; *зубище* — вспухшие железки). Надо отметить, что схема «Х, возьми свой У» особенно органична для заговоров от болезни горла (хотя, разумеется, не только для них), поскольку болезнь трактуется как что-то лишнее в нем, что надо отдать медиатору, а также изъять, вынуть, высосать и т. п.⁹

Вторая часть — **«Я тебя съем»** — тоже может функционировать в виде самостоятельной формулы: «Гам, дубе, гам! Зьим тебе з кориньяны, з насиньяны, з гылакамы и з корою. Гам! гам! гам!» [Podbereski 1880: 77; Talko-Hrunczewicz 1893: 111]; «От “великих стисків у дитини”: “Дубе, дубе зелений, я тебе ззім <з’їм> з гіллям и коринням”» (Полтавская губ., Гадячский у.) [Ивашенко 1878: 172].

И последнее наблюдение, которое касается заговорных формул, состоит в том, что, помимо дуба, они могут быть иногда обращены к другим деревьям, к лесу и даже к артефактам, сделанным из дерева: «Лес Ерофей, возьми мою сухую жабу. Если ты ее не возьмешь, то я тебя съем с ветками, с кореньями, с пеньями [...]» (Сибирь) [Кузнецова 1997: 456]; «Дуб, дубовик, осинок, осина, сойдитесь, возьмите свой кашель глазной и налетный от раба божьего» (Орловская губ.) [СРНГ, 24: 9]; «Изба, изба! Я тебя съем — с углами, со всем!» (центр. Россия) [Инсаров 1862: 269].

В традиции наблюдается также постепенное размывание инвариантного мотива «Дуб, возьми свою болезнь, иначе я тебя проглочу / съем»

⁸ Ср. [Харламов 1901: 29] (Ейск).

⁹ Ср.: «[...] В синем море Окияне, под камнем Латырем, стоит шука-пожируха, булатное перье, железное щелье, отсысает от раба Божия (имя) жабу изо рта, из гортани, белую, красную, водяную, осыпную, перелойную, витрянную, изьявную отсысает, отжирает от раба Божия (имя)» (Вологодская губ., Сольвычегодский у.) [Ордин, л. 139 об., № 21].

за счет изменения объекта угрозы: угрожают съесть / проглотить *жабу* / *глоть* вместо дуба:

«Ветла, ветла, возьми свою глоть, а или ты ее не возьмешь, мы ее заглотим с корнями» (Татарстан, Елабужский р-н) [Вердеревская, Разживин 1996: 14]; «Дуб, дуб, возьми свою жабу, а если ты ее не возьмешь, то я ее проглочу со всеми со ветвями, со кореньями <при этом пациент глотает слюну>» (Рязанская губ.) [Мансуров 1930: 10].

Или угрожают тем, что жаба проглотит дерево:

«Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [Попов 1903, № 91].

И, наконец, пару слов о белорусской традиции. В восточной и юго-восточной Белоруссии широкую известность получили заговоры от так называемых «зубищ / зубища» (*зубішчы* ‘опухание десен’ [Валодзіна 2009: 267; Володина 2013]). Термин известен также на юге России, в нескольких иных, но близких значениях: в окрестностях Ейска, в Калужской губ. и других местах *зубищами* могли называть опухшие железки [Харламов 1901: 16]. Заговоры, применяемые для избавления от *зубищ*, содержали в основном первую часть известной нам инвариантной формулы «Дуб-дубища, возьми своё зубища!» [Романов 1891: 87, № 194]; «Дубищи, возьми у раба божого зубищи, ў верх вярховыя, а ў бок бокковыя, а ў корань коранявыя [...]» [Ibid.: 85, № 177] и т. д., в то время как мотив глотания дуба нам в них не встретился.

Таким в общем и целом видится этот небольшой корпус вербальных формул. Впечатление некоторой невнятности, которое они оставляют, объясняется как смысловой непрозрачностью слова *дубоглот*, объединяющего этот круг текстов, так и известной эксцентричностью мотива «Дуб, я тебя съем».

Семантическая интерпретация элементов слова *дубоглот*

Попробуем поразмышлять о том, что может означать слово *дубоглот*, привлекая для этого и диалектную лексику, и другие заговорные тексты.

Сначала о **второй части композита, об элементе -глот**.

▪ Как уже упоминалось, среди наименований болезней верхних и нижних дыхательных путей явно преобладают производные от слов со значением ‘горло / глотка’. Таким образом, элемент *-глот* в составе нашего композита может либо означать место, в котором сосредоточена болезнь или пораженный ею орган, либо просто быть названием этой болезни, обозначая ангину, дифтерит и т. д. В качестве примера того, что такое прочтение возможно, приведем брян. *билаглот* ‘ангина (?)’: «Билаглот — глотка кагда балит» [СБГ, 1: 43]. Это название читается, вероятно, как «белая глотка», т. е. горло с белым налетом как характерным симптомом ангины.

▪ С большей вероятностью элемент *-глот* может указывать на действия по глаголу *глотать* и близким ему в значениях 'глотать, проглатывать' и 'есть, жрать'. Среди названий болезней композитов со вторым элементом *-глот* пока не обнаружилось, однако известны имена недугов с семантическими близкими компонентами *-ед* и *-грыз*, ср. рус. *костоед*, *костогрыз* — болезни, которые подвергают сильному разрушению кости человека. Второй элемент композита *-глот* активно используется также в сфере региональных прозвищ типа *тестоглоты* / *тестоеды*, указывая прежде всего на пищевые предпочтения жителей отдельных регионов (о композитах на *-ед*, *-грыз* и проч. см. [Воронцова, Галинова 2017]). В этом контексте название *дубоглот* можно было бы рассматривать как отглагольную форму (скорее всего, с объектным значением).

Если спроецировать сказанное на рассмотренные выше заговоры, получается, что в рамках формулы «Дуб, возьми дубоглот, иначе я тебя проглочу» сосуществуют оба прочтения элемента *-глот* — и как обозначения горла, и как обозначения действия по глаголу *глотать*.

▪ Действия по глаголу *глотать*, впрочем, не только отражены в вербальной формуле (в мотиве «глотания дуба»), но также поддерживаются и на уровне ритуала — через имитацию пожирания / глотания, использование звукоподражательных элементов типа *хам*, *гам*, *гав*, а также через ритуальные установки широко открывать рот, сглатывать слюну и лизать что-нибудь во время произнесения заговора. Так, в Томской губ. при ангине выходили из дома, смотрели на дерево, лизали деревянную ложку, глотали слюну и при этом произносили: «Съем я дерево с корнями и жабою проглочу» [Липинская 1998: 496]. В Саратовской губ. при ангине произносили: «Изба, изба, я тебя съем, со всем и с коньком! Хам!» При слове *хам* нужно как можно шире разевать рот [Розанов, л. 6–8об.; л. 13(25)]. Подобное разевание рта «коррелировало» с немалыми размерами объекта, который якобы предстояло проглотить (будь то дуб или дом).

▪ Формулы типа «Возьми сябе дыбоглот, отдай, отдай нам глот» (Тамбовская обл.) [Лоскутова 2010: 164] помогают понять, что слова *глот*, *глоть* можно интерпретировать как естественную способность глотать (а слова *неглот*, *дыбоглот* — как функциональное нарушение нормального глотания), и именно эту способность просят вернуть больному в заговорах [Ibid.]. Кстати, обозначение отдельным словом самой способности глотать, следует, наверное, считать характерной особенностью диалектной семантической системы (в отличие от системы литературного языка). Она поддерживается наличием слов, обозначающих, например, способность пережевывать пищу (особенно у коров), ср. арх. *жва́ка*, *жево́к*, *жва́чка* [АОС, 13: 243] и способность есть вообще, ср. арх., влг. *выть* [СГРС, 2: 269].

Теперь о **первой части композита, об элементе дуб-**. Здесь также намечается несколько вариантов прочтения. Изложим возможные интерпретации — как не слишком убедительные (с которых начнем), так и релевантные.

▪ Общеизвестно, что кора дуба широко применяется в народной медицине. В этнографических описаниях и заговорах можно найти немало свидетельств, касающихся практического и символического ее использование в этих целях. Однако если быть совсем уж точными, то это применение относится прежде всего к случаям стоматитов и кровоточивости десен, а также направлено на укрепление зубов, но, кажется, почти не связано с болезнями горла.

▪ Вяч. В. Иванов и В. Н. Топоров высказали мысль о том, что в рус. *дубоглот* могла отразиться оппозиция «сухой — мокрый». В частности, на основании воронежского заговора «Дуб, дуб, возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу, сухой дубогло [...]» [Майков 1992, № 100], по мнению авторов, можно восстановить исходное для данных текстов противопоставление *сухого дуба* и *мокрой жабы* [Иванов, Топоров 1965: 268]. На наш взгляд, это суждение едва ли правомерно, учитывая, что для корпуса верований, связанных с дубом, семантика сухости нехарактерна, да и значение слова *дубоглот* 'сухой кашель' фиксируется единично. Кроме того, есть заговорные контексты, в которых жаба может быть названа как сухой, так и мокрой, ср.: «Придите заморите у рабы божией Паладьи *сухую, мокрую жабу, жабу-полужабу, четвердь жабу, фсю жабу, жабу чёрную, жабу сильную, жабу жыльную, ражжыльную, ис чёрных бровей, из ушэй, из ноздрей, из буйной головы*» (Архангельская обл.) [АОС, 14: 116].

▪ Сосредоточимся на свойствах дуба, представления о которых могли отразиться в образе болезни горла.

Слово *дуб* в своей парадигме многозначности имеет широко распространенное в говорах значение 'кора некоторых пород деревьев (дуба, сосны, ивы и др.), употребляемая для дубления кож, а также окраски чего-либо' [СРНГ, 8: 231–232], ср. также литер. *дубить*. И *кора*, и *дуб* часто выступают в сочетании с глаголом *драть* (*драть кору, драть дуб*, ср., например, арх., влг. композит *дубодёрина* 'дерево с ободранной корой' [СГРС, 3: 197]), — а именно этот глагол описывает ощущения при боли в горле (*дерет горло*). Интересно в связи с этим курск. *Дубинить* — 'испытывать болезненное состояние при продолжительном кашле': «*Кашылъ усю ноц дубинил*», «*Как начило мне ат кашлю дубинить, кахикать да вутра*» [СКГ, 3: 121]. Образ коры актуализирован в ряде производных от *дуб-* (скорее всего, в «древесном» значении), в семантике которых отражены признаки жесткости, шероховатости и проч., ср. брян. *дубовый* 'жесткий; негладкий, шероховатый на ощупь; грубый' [СБГ, 5: 44].

При этом глотка (горло, гортань) часто выступает в языке не только как «проводник» вкусовых ощущений¹⁰, но и как орган, крайне восприимчивый к каким-либо «препятствиям» в нем. Последние, в свою очередь, становятся метафорой негативных социальных и психологических отношений (*быть кому-то как кость в горле, встать кому-то поперек горла* и т. д.). Такая «чувствительность» глотки готовит почву для появления второго компонента композита *дубоглот*. Всё это в целом означает, что слово *дубоглот* может описывать ощущения дискомфорта, сопоставимые с теми, которые испытывает человек при глотании чего-то твердого и шершавого, непригодного для глотания, мешающего нормальному дыханию и т. д., — «будто дуб проглотил».

Нужно также учесть, что *дуб-* выступает в составе целого ряда дериватов (в том числе с композитной структурой), имеющих экспрессивное значение. Так, известны композиты с первым элементом *дуб-*, обозначающие человека как носителя определенных негативных характеристик, ср. вост., курск., дон., пенз., нижегор., самар., урал., тобол. *дуботóлк* 'глупый, бестолковый, упрямый человек; дубина', ворон. *дубола́з* 'баловник, непоседа', орл. *дубогло́т* 'жадный, ненасытный человек' [СРНГ, 8: 239–240]; о них см. в [Колосько 2010: 73]. Несмотря на то что эти композиты можно «прочитать» буквально («тот, кто толчет дуб», «тот, кто влезает на дуб»), экспрессия здесь очевидна: она создается семами крепости, твердости, силы, «непроницаемости», присущими *дубу* и переосмысляемыми в дериватах.

Таким образом, в семантике слова *дубоглот* явно присутствует экспрессия, интенсифицирующая восприятие заболевания — острого, связанного с дерущим, «разрывным» кашлем, ощущением препятствия в горле и др.

▪ Есть суждение [Мадлевская 2007: 139], согласно которому связь образа дуба с болезнями горла опирается на известный параллелизм горла человека и дупла дерева: «Заря, скалистая балка, дуб дуплистый, возьми свой дубоглот» (Тамбовская губ.) [СРНГ, 8: 239]. Несмотря на то что заговор, где упоминается дупло дуба в соотнесении с болезнью горла, единичен, связь этих образов и слов вполне релевантна. Она проявляется как в текстах, так и в системе языка.

Если говорить о фольклорных текстах¹¹, то *дуплистый дуб* или *дупло дуба* фигурируют в разных жанрах: в заговорах («Іді собі, бех, на

¹⁰ Так, удовольствие от выпивки выражается через мотив прохода / пробега Христа / Бога по горлу, например, в выражениях типа *как Христос по горлышку прокатился* (о них см. в [Кабакова 2014: 340]).

¹¹ Обсуждаемая связь характерна не только для фольклора, но и для художественной литературы, где многократно упоминается *дуплистый дуб*, *дупло дуба* и др. (достаточно того, что в словарях эти выражения приводятся в качестве примеров типовой сочетаемости к словам гнезда *дупл-*).

сібірську гору! А на сібірській горі *сібірський дуб*, а в сібірському дубові чорне дупло... Там сидить твоя мати, змія Коропія» (Черкаський р-н) [Василенко, Шевчук 1991: 158], загадках («На поле на Арском стоит дуб дупляной» [СРНГ, 8: 262], сказках (так, в дупле дуба прятался царь Змиулан из сказки «Царевич и серый волк», старик из сказки «Вещий дуб») и т. д. В сказке «Никола Дуплянский» неверная жена молится дереву, где якобы живет милостивый Никола, а на самом деле с ней говорит муж, сидя на дереве — либо в дупле дуба, либо на сосне — с дуплом или без него. При этом в одних вариантах «Николу» называют *Дуплянский*, а в других — *Дубенский* [СУС 1380; ср.: Афанасьев, 3: 318; Карнаухова 2009: 246; Ончуков 1908, № 62]. Дупло дуба маркировано и в обрядности: Т. Б. Щепанская фиксировала на Кенозере (Архангельская обл., Плесецкий р-н) обыкновение называть *дубом* любое дерево с дуплом, через которое в лечебных целях принимали больных и страждущих. При этом реально такими деревьями чаще всего были сосны и ели (в силу почти полного отсутствия дубов в этой местности), хотя в заговорах, сопровождавших эти ритуалы, обычно упоминался дуб, стоящий в чистом поле [Щепанская 2003: 282–283]. У восточных и западных славян широкое распространение получила практика протаскивать больного через расщеп в стволе дуба (обычно молодого) или через дупло старого дерева, под большим корнем и даже через ветви дуба [Агапкина 2019: 67].

Если говорить о связи *дуба* и *дупла* в системе языка, то следует вспомнить показательную версию относительно происхождения самого слова *дуб* (праслав. **dǫbъ*), которая принадлежит Фальку. Согласно ей, для *дуба* следует восстановить внутреннюю форму «дерево с дуплом» (см. в [ЭССЯ, 5: 97]). В рамках настоящей статьи мы не можем подробно рассматривать этимологию слова; отметим только, что сам факт появления гипотезы Фалька (которая не стала в современной литературе самой популярной, но и не опровергается как недостоверная) симптоматичен и отражает устойчивую связку *дуб* ↔ *дупло*. Эта связь может проявляться и другими способами. Так, в гнездах *дуб-* и *дупл-* есть сходные слова, обозначающие результаты долбления — лодки, посуду и т. п.¹²; собственно *долбление* может отождествляться с *дублением*: арх. *дубить* ‘изготавливать посредством долбления’ [СГРС, 3: 280].

¹² Например, юж., ряз., дон., азов., арх. *дуб* ‘род долбленной лодки, челна, судна’ [СРНГ, 8: 232], арх. *дублёнка* ‘выдолбленная из целого бревна лодка’, ‘выдолбленный из дерева предмет посуды’ [АОС, 12: 333–334], пск. *дубица* ‘долбленная лодка’, ‘выдолбленное из дерева корыто’ [ПОС, 10: 30], арх., влг. *дупелька*, *дупля*, влг. *дуплянка* ‘сосуд (ведро, кадка и т. п.)’, выдолбленный из дуплистого дерева’ [СГРС, 3: 286–287], брян. *дупляк* ‘улей, выдолбленный из дуплистого дерева’ [СБГ, 5: 46] и мн. др.

Если *дуб* обозначает кору, то и в гнезде *дулл-* появляется семантика коры¹³: это естественно, поскольку кору легче снять с подсохшего дерева. Разумеется, значима и фонетическая близость *дуб-* и *дулл-*: курск. *дублястый* 'дуплистый': «Велик пень, да дубляст, мал золотник, да дорог» [СРНГ, 8: 237], ворон. *дубло* 'дупло' [СВорГ, 2: 213] и мн. др.

Для демонстрации этой связи позволим себе привести еще один пример, который, казалось бы, уводит от основной темы, но вместе с тем поучителен в контексте нашей работы, поскольку связан тоже с композитом, образованным с участием основы *дуб-* (и соматизма *нос*). В русском литературном языке есть слово *дубонос*, обозначающее птицу из семейства вьюрков с большим конусовидным клювом (ср. вост.-казах. *толстоноска* 'то же' [СРНГ, 44: 211]). В говорах это слово может обозначать и других птиц, ср. курск. *дубонос* 'дятел': «Слышно, как дубонос стучит по дереву» [Хильманович 2017: 80]. Изначально этот орнитоним явно мотивирован представлением о «дубовости» (= массивности, крепости) носа птицы. Однако крепость клюва обеспечивает и другое его свойство: с его помощью птица легко щелкает косточки плодов и ягод и долбит кору, добывая из-под нее насекомых. Вероятно, поэтому на юге Костромской обл. дубоноса зовут также *дуллонс* [ЛКТЭ]¹⁴. Таким образом, «дубовая» мотивация названия птицы легко переходит в «дупляную».

Итак, обнаруживается теснейшее переплетение «дубовых» и «дупляных» мотивов в языке, фольклоре и обрядности, причем связь с дуплом имеют оба основных значения слова *дуб* — и 'дерево', и 'кора'. Отсюда вытекает, что *дуб* может восприниматься как имеющий «глотку» — дупло, куда отсылаются болезни. Но это явно не единственная мотивационная возможность для слова *дубоглот*.

▪ Укажем еще на одну возможность истолкования первого элемента *дуб-* в составе композита *дубоглот* — возможность, которая имеет отношение к народному пониманию природы горловых болезней. Дело в том, что в ряде заговоров болезни горла (как и кожные болезни) ассоциируются с деревом, растением или чем-то похожим на растение, с тем, что разрастается, пускает корни и таким образом захватывает горло, перекрывает его, мешает свободе дыхания. Порой об этом говорится совершенно определенно, как, например, в заговорах от жабы-ангины:

¹³ Ср. пск. *дуляница* 'кора дерева, снятая в виде цилиндра' [ПОС, 10: 45], арх. *дулло* 'береста, снятая в форме цилиндра со срубленного дерева и употребляемая для изготовления короба' [СРНГ, 8: 260], арх. *дульце, дулле* 'кора и верхний слой древесины выгнившего изнутри дерева' [СРС, 3: 286] и др.

¹⁴ Есть еще слово *дупель*, обозначающее болотного бекаса (и являющееся при этом немецким заимствованием). Характерно, что при осмыслении свойств дупеля языковое сознание связывает его название с дуплом: пск. «Дупель, птичка такая я, носом выдалбливае» [ПОС, 10: 44].

«Жаба, не боли, листья не распускай, рабе божьей... не коли, не боли» (Верхний Дон) [Тимофеев 2013: 189]; «На зарю гляжу, жабу режу со всеми корнями, со всеми цветами [...]» (Тверская обл.) [Белова, Петров 2010: 52], ср.: «Когда у человека глотку заложит, что и дыхнуть нельзя [то читают]: “На кияне, на море, на острове, на бережку выростала тросьць из земли до неба. Кто тую тросьць вырвецъ? А вырвецъ ту тросьць Михаил Архангел [...]”» (Смоленская губ.) [Шейн 1893: 543]. Представление о разрастании опухоли фиксируется не только в фольклорном тексте, но и в системе языка (по отношению к опухолям разных видов, ср., к примеру, арх. *шипичий куст* ‘бородавки’ [СРГК, 6: 872]).

Есть еще один поворот образа: не только болезнь горла может представляться в виде дерева, но дерево в фольклорной образности привлекается для того, чтобы «продрать», прочистить горло. Ср. мотив глотания дерева в заговоре из Восточной Сибири: «Магушка сосна, святое дерево [...] Проглочу я тебя с вершины до корня, продери мое горло дочиста [...]» [Красноженова 1911: 70]. Вторая часть формулы «продери мое горло дочиста» могла возникнуть как попытка осмыслить и прояснить «темный» и малопонятный мотив «глотания дерева».

Иными словами, нельзя исключать, что древесно-растительный образ горлового недуга если и не мотивировал *дуб* — как первую часть композита *дубоглот*, обозначающего этот недуг, то во всяком случае «поддерживал» его; зеркальное переворачивание образа дает восприятие дерева с ветками как своего рода «ершика» для прочистки горла.

▪ На уровне системы языка существует многократно и разнообразно фиксируемая связь обозначений древесной коры (обычно с выпуклостями на ней) и выпуклостей на теле человека — опухолей, желваков и проч. В том и другом случае речь идет о заболеваниях «кожи» (дерева или человека). Помимо самого простого примера — литер. *шишка* — приведем несколько других (не пытаюсь собрать полный перечень вариантов и паспортизирующих справок: он был бы огромен). Указанные ниже слова сочетают в своих смысловых парадигмах значения ‘волдырь, опухоль’ и ‘нарост, наплыв на стволе дерева, кап’: влг. *болонó*, арх. *болдырь* [СГРС, 1: 136–137, 139–140], ср.-урал. *волдырь* [СРГСУ, 1: 76], арх., влг. *вахлыш* [СГРС, 2: 32–33], зап. *балбука* [СРНГ, 2: 78–79], ленингр. *воль* [СРНГ, 5: 83], арх., перм. *свалок* [СРНГ, 36: 208], забайк. *отпуч* [СРНГ, 24: 285], арх. *наростень*, арх., влг. *рог*, *натёка*, арх. *отёк* [КСГРС], перм. костр. *кила*, *фуфлыга* [ЛКТЭ] и мн. др. Показательно, что в этом сочетании значений у «древесного компонента» необязательна сема выпуклости: с опухолью на человеческом теле может сопоставляться собственно кора дерева или ее слой, ср. костр. *заболонь* ‘опухоль, волдырь на теле’ [ЛКТЭ] при общенар. ‘молодой слой древесины, лежащий

непосредственно под корой'. Подобное сочетание значений отмечается и в гнезде *дуб-* — например, у слова *задубье*: без указ. м. 'ивовая кора, употребляемая для дубления' и олон. 'опухоль, желвак' [СРНГ, 10: 71–72]; оно же характерно для «жабьего» гнезда, ср. курск. *жаблина* 'покоробившееся место (впадина, выпуклость) в доске или дереве', костр. *жа́биться* 'коробиться от жары (о дереве)' [СРНГ, 9: 50] и т. п.

Сказанное объясняет возможность использования образа дуба (в первую очередь коры) для обозначения болезней, сопровождающихся опухольями (что, разумеется, характерно для ангины). *Глот*, как мы помним, может восприниматься как естественная человеческая способность глотать; у дуба ее нет, поскольку его кора воспринимается как опухоль. Отсюда логика текстов типа «Дуб, возьми **свой** дубоглот».

Слово *дубоглот* в тексте:

текстовые проекции на семантику лексемы

В том типе заговорных текстов, где встречается слово *дубоглот*, нередко проявляется инерция повтора (о механизмах инерции в заговорах см. в [Толстая 2005]). В частности, такая инерция характерна для формулы «X, возьми [свой, мой] Y».

Повторы в рамках этой формулы бывают разные, причем отдельные виды повторов могут комбинироваться друг с другом:

- Фонетический: «Положить больного через порог, на спину — березовый веник, топором (острым концом) постучать и сказать: *Тын, тын*, возьми свой *утин*» [Аникин 1998, № 1495]; «*Овин, овин*, возьми мой *утин* и будешь стоять не *один*» [СРНГ, 48: 159]; «Ходить взад и вперед с рибенкам и вот в дверь: “*Крюк, крюк*, вазьми (там с Дуни иль с какова с Мити) *крик*”» [Морозов et al. 2001: 256].

- Словообразовательный: «У, дуб-дубище, возьми свое зубище» [Аникин 1998, № 1469]; «Оселок-оселище, возьми свою свиницу. Как коса от оселка стирается, и ты, свинья, сотришь» (от болезни *свинка*) [Бердяева 2005: 292]; «*Гадина-гадина*, возьми свою *жалину*» (от укуса змеи) [Мехнецов 2002: 614], «*Житина-житина*, возьми свою *жичину*» [СРНГ, 9: 190].

- Лексический: «*Заря-заряница*, возьми свою *ночицу*, на сей время, на сей час, на сию минуту» [СРНГ, 21: 303], «*Огонек, огонек*, возьми свой *огоник*», «*Огонь, огонь*, возьми свой *огонник*, оставь рабе Марье чистое тело» [Аникин 1998, № 1735, 1734] и др.

В подобных текстах могут встречаться характерные для логики инерции нестандартные формы, ср. хотя бы форму *огонник* из последнего примера, которая не используется, вроде бы, вне заговоров (так, в [Аникин 1998] эта лексема представлена в нескольких вариантных

заговорах, № 1732–1735). В контексте заговора нестандартная форма обычно встречается после стандартной (*огонник* после *огня*), которая выступает для нее источником, стимулом, обуславливающим фактором. В этом смысле такая форма «слабее» стандартной по своим лингвистическим свойствам (место в узусе, семантика и проч.). Отсюда допустимо предположить, что слово *дубоглот* могло быть «наведено» логикой текстовой инерции: «сильное» слово в тексте — *дуб*, а *дубоглот* в этом случае — «наведенная» лексема, обозначающая нежелательное состояние, которое «делегируется» дубу.

Эта версия подтверждается тем, что у *дубоглота* есть одноструктурные образования, встречающиеся исключительно в заговорном контексте. Эти образования представляют собой варианты *дубоглота*, причем варьирует как первая, так и вторая часть композита.

Одноструктурные образования с заменой первой части — *жабоглот* и *мышеглот*. *Жабоглот* отмечен только в тамбовских записях: «Жаба, жаба, жабоглот, возьми себе неглоть, дай мне глот» [Лоскутова 2010: 319–320]. Зафиксирована также промежуточная на пути к *жабоглоту* конструкция *жаба-глотень*: «Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [Попов 1903, № 91]. Интересно, что у последнего текста есть вариант, где заменен адресат: вместо *тополя*, связь которого с *жабой* совсем не ясна, появляется более обоснованная, по мнению говорящего, *лягушка*, «наведенная» словом *жаба*: «Лягушка, лягушка, сними жабу-глотень, не снимешь — она тебя проглотит» (Рязанская губ., Зарайский у.) [Ibid. № 92]. Что касается *мышеглота*, то он записан в Томской губ.: «Жаба, жаба! Отдай мое горло, возьми свой *мышеглот*». Заговор читать в доме, вода больным местом по краю печки» [Липинская 1998: 496, № 49]. Если *жабоглот* объясняется наличием горловой *жабы*, то как появился *мышеглот*? Интересно, что образ мыши — как и жабы — встречается для обозначения рта, ср. рус. орл. *мышка* 'рот' — «Ты возьми у мышку воды» [СОГ, 6: 163]. Этот факт единичен¹⁵, но, думается, неслучаен, поскольку мышь, как и жаба, символизирует прожорливость, а лучший инструмент такой символизации — образ открытой пасти (рта)¹⁶.

Одноструктурное по отношению к *дубоглоту* образование с заменой второго компонента — *дубохватыло*. Это слово, обозначающее

¹⁵ Мы обращали на него внимание в [Бerezovich 2007: 315]; сейчас высказанная в этой работе версия становится более убедительной вследствие обнаружения *мышеглота*.

¹⁶ Стоит отметить, что слова *жаба* и *мышь*, выступая как обозначения опухолей, имеют семантику «разрастания» — так же, как и продолжения корня *дуб-*. К примеру, наблюдается акцентирование некоторой соматической (анатомической) чрезмерности в значениях таких слов, как арх. *дубовой* 'широкоплечий' [АОС 12: 335], пск., твер. *дубонос* 'человек с большим носом' [СРНГ 8: 239] и др.

коклюш, сопровождаемый сильным кашлем, зафиксировано в заговорной формуле «Дубло, дубло, возьми свое *дубохватыло* с рожденного, с крещеного, с молитвенного!» (Владимирская обл.) [Добровольская et al. 2001: 224]. Слово *дубохватыло* служит хорошим примером именно текстовой «наводки», поскольку возникло скорее всего в результате разворачивания текста: сначала появляется слово *возьми*, «передающее» болезнь от человека дубу, а затем — некое квазиобразование, первый корень которого указывает на адресата отсылки (*дуб*), а второй — на действие, синонимичное тому, что обозначено в глаголе *возьми*, — *хватать*. Никакого «самостоятельного» (внетекстового) значения, как кажется, у этого слова нет.

Слово *дубоглот* в системе языка: семантика конструкции

Двукорневое слово *дубоглот* реализует, как говорилось выше, скорее всего глагольно-именную конструкцию: *дуб* + *глотать*. Особенности русского словообразования допускают разное прочтение подобных конструкций. Наиболее распространенный вариант прочтения предполагает препозицию объекта действия («тот, кто глотает дуб»), однако возможно и такое прочтение, когда препозицию занимает субъект действия («дуб глотает»). Известен не один лексический пример, демонстрирующий проявление различных субъектно-объектных отношений в рамках подобных конструкций. Ср. литер. *куроед* 'тот, кто поедает кур', тул. *куроédка* 'хорь, норка' — объектные композиты (именной компонент указывает на объект поедания), в то время как нижегор. *куроéd* 'растение гусяная трава' — субъектный композит (отражено указание на субъекта поедания) [Воронцова, Галинова 2017: 455]. Нельзя исключить и прочтения конструкции как атрибутивной: *дубовый* + *глотка*. О релевантности такого прочтения говорит хотя бы пример «Дуб, дубовик, осинок, осина, сойдитесь, возьмите свой кашель глазной и налетный от раба божьего» (см. выше): текст приписывает дубу свой (= *дубовый*) кашель.

Такая словообразовательная многозначность конструкции обеспечивает не только возможность разных ее интерпретаций исследователем, но и вероятность разного восприятия и «пересоздания» конструкции носителями традиции в ходе ее функционирования. Один тот факт, что *дубоглот* мыслится то как принадлежащий дубу («свой» для дуба), то как собственность имярека («мой»), говорит о варьировании субъектно-объектных отношений в исследуемых заговорах. Варьирование объясняется как текстовой инерцией (см. выше), так и самой логикой конструкции.

* * *

Первый вопрос, которым задаешься при знакомстве с изложенным выше материалом, состоит в том, что является в данном случае первичным, — слово-компонент *дубоглот* или заговор. Иначе говоря, разворачивается ли компонент *дубоглот* в фольклорный мотив «Дуб, я тебя проглочу», или, напротив, этот мотив сворачивается до слова *дубоглот*.

Как уже отмечалось, вне фольклорного контекста слово *дубоглот* малоизвестно, и его собственно диалектное, принадлежащее обиходной речи употребление (достаточно узкое, поскольку контексты типа дон. «Дубаглот, када глотка балить» единичны) с большой долей вероятности может оказаться вторичным по отношению к собственно фольклорному. Если принять эту версию, то следует думать о следующих путях появления слова. Формула «X, возьми свой Y», в рамках которой X может быть семантически сильнее Y (поскольку Y больше, чем X, подвержен действию законов заговорной инерции), обращена изначально к дубу как к удобному «восприемнику» болезней, изгоняемых из пространства говорящего. Слово же *дубоглот* «наведено» логикой разворачивания текста: это тот «дубовый глот» (если понимать *глот* как способность собственно глотать), который должен принадлежать дубу, а не больному человеку.

Безусловно, творение слова в рамках заговорной конструкции поддерживается теми возможностями, которые заложены в системе языка. Во-первых, это образ дубовой «пасти» (глотки), который формируется на основе естественных свойств и особенностей дуба (в старых дубах часто бывают дупла) и закрепляется если не во внутренней форме слова (это спорный вопрос), то в устойчивой сочетаемости *дуб* ↔ *дупло*, а также поддерживается на синхронном уровне фонетической близостью этих слов. Образ дерева, во-вторых, имеет еще одну грань: «картинка», рисуемая в сознании человека корни дерева и его крону, проецируется на представление о «разрастании» опухоли (в том числе в горле); корни и крона дерева одновременно как бы являются и «инструментом» для прочистки горла. Еще одна грань образа связана с тем, как видятся носителю языка свойства коры: есть продуктивная для русского языка модель, закрепляющая связь обозначений древесной (дубовой) коры и опухолей на теле человека (в т. ч. опухолей горла); сама же дубовая кора — вообще «архетип» коры, жесткой, шершавой, обдираемой с поверхности дерева (что соответствует «дерущим» ощущениям при боли в горле).

Думается, что указанные грани образа нет смысла «ранжировать» по степени значимости (т. е. пытаться выстроить в определенной последовательности с точки зрения вероятности того или иного поворота). Языковая метафора, как известно, — принципиально многогранный и комплексный феномен, что ярко проявляется в случае слова *дубоглот*.

Если даже принять какой-то из предложенных вариантов за исходный, то надо признать, что в дальнейшем, по мере распространения, заговорные формулы «проигрывали» в своем пространстве и другие способы прочтения внутренней формы *дубоглота*, акцентируясь то на мотиве глотания / поедания дуба, то на мотиве прочищения горла и т. д.

Таким образом, образ дуба и мотив глотания соединяют в нечто целое слово, текст и ритуал. В этом видятся особенности реализации **мифопоэтической мотивации** фольклорного слова, которая не может быть прочтена на основе простого логически выверенного решения вопроса о том, кто кого глотает. Такой семантикой характеризуются и текстовые аналоги *дубоглота* — *жабоглот* и *мышеглот*. Удивительно (и в то же время неудивительно) то, что оба производящих слова (*жаба* и *мышь*) содержат в своем семантико-словообразовательном гнезде, помимо значения прожорливого животного, значение собственно рта / пасти и разного рода опухолей¹⁷. Это доказательно укрепляет наш вариант интерпретации тех смыслов, которые составляют мотивационный фундамент слова *дубоглот*.

Разбирая мотивацию диалектного выражения *лито-накапано* (и подобных) 'о людях, похожих друг на друга' и связывая его (в числе прочего) с магической практикой выливания или выкапывания воска для воссоздания облика человека, С. М. Толстая замечает, что изучаемые слова и выражения «обнаружили [...] множественные переплетения и предстали в виде некоего запутанного семантического "клубка". Из этого клубка пока удастся вытянуть только отдельные концы» [Толстая 2008: 317]. История с *дубоглотом* примерно такая же: клубок смыслов с отдельными «концами». В будущем, когда удастся проанализировать больше таких примеров, можно будет более уверенно выстраивать модели формирования и развития семантики для слов с мифопоэтической мотивацией.

Сокращения архивных хранилищ и словарных картотек

АрхРАН, СПб — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Санкт-Петербург).

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НА РГО — Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург).

¹⁷ Относительно *жабы* указанные значения можно посмотреть в [Березович 2007: 313–316]; что касается *мышь*, то ср. свердл., казан., перм., сиб., тюмен., кемер., новосиб., том., литов., латв. *мьшка* 'опухоль, воспаление подчелюстных желез у лошади', перм., том. *мышьяк* 'болезнь, фурункул', вят. *мышь* 'опухоль (у животных)' и др. [СРНГ, 19: 70–71].

Источники

Аникин 1998

Аникин В. П., ред., *Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.*, Москва, 1998.

АОС, 1–20–

Гецова О. Г., ред., *Архангельский областной словарь, 1–20–*, Москва, 1980–2019–.

Афанасьев, 1–3

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1–3, Москва, 1984–1985.

Бердяева 2005

Бердяева О., сост., *Фольклор Новгородской области: история и современность*, Москва, 2005.

БТСДК

Большой толковый словарь донского казачества: Около 18 000 слов и устойчивых словосочетаний, Москва, 2003.

Василенко, Шевчук 1991

Василенко М. Г., Шевчук Т. М., упор., *Ви, зорі-зориці...: Українська народна магична поезія (Замовляння)*, Київ, 1991.

Вердеревская, Разживин 1996

Вердеревская Н. А., Разживин А. И., *Заговоры*, Елабуга, 1996.

Горбунов 1894

Горбунов Я., Село Романовское, *Оренбургский край*, 200, 1894, 2–3.

Даль, 1–4

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка, 1–4*, С.-Петербург, Москва, 1882.

ДО

Дополнение к опыту областного великорусского словаря, С.-Петербург, 1858.

Добровольская et al. 2001

Добровольская В. Е., Морозов И. А., Смолицкий В. Г., сост., *Фольклор Судогодского края*, Москва, 2001.

Иващенко 1878

Иващенко П., Шептанья. Приложение к реферату: «Следы языческих верований в южнорусских шептаньях», *Труды 3-го Археологического съезда в 1874 г.*, 2, Киев, 1878, 171–181.

Инсаров 1862

Инсаров А., Несколько страниц из записок лекаря, *Время*, 10, 1862, 261–313.

Карнаухова 2009

Сказки и предания Северного края: В записях И. В. Карнауховой, Москва, 2009.

Красноженова 1911

Красноженова М., Материалы по народной медицине Енисейской губернии, *Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества*, 42, 1911, 65–86.

Кузнецова 1997

Кузнецова В. С., науч. ред., *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни и заговоры* (= Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, 13), Новосибирск, 1997.

Липинская 1998

Липинская В. А., подг. текста, предисл., терминологический словарь, Заговоры, молитвы и охранительные списки русского населения юга Западной Сибири, Л. В. Данилова, А. К. Соколов, *Традиционный опыт природопользования в России*, Москва, 1998, 480–526.

Майков 1992

Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова, А. К. Байбурун, послесл., примеч. и подг. текста, С.-Петербург, Париж, 1992.

Малеча, 1–4

Малеча Н. М., *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*, 1–4, Оренбург, 2002–2003.

Мансуров 1930

Мансуров А. А., Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края, 4, *Труды Общества исследователей Рязанского края*, 39, Рязань, 1930.

Меликов

НА РГО, Р-XXXVI, № 56, Меликов П., Народные предания и памятники с. Тростянка Балашовского уезда, 1855.

Мехнецов 2002

Мехнецов А. М., сост., Валеvская Е. А., Лобкова Г. В., отв. ред., *Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиц. материалов*, 2, Псков, 2002.

Морозов et al. 2001

Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н., авт.-сост., *Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь*, Рязань, 2001.

Ончуков 1908

Ончуков Н. Е., сост., *Северные сказки*, С.-Петербург, 1908.

Ордин

НА РГО, Р-VII, № 44, Ордин Н., Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде, 1887.

Перетц 1914

Перетц В. Н., *Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18–20 февраля 1914 г.*, Киев, 1914.

Попов 1903

Попов Г. И., *Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева*, С.-Петербург, 1903.

ПОС, 1–26–

Псковский областной словарь с историческими данными, 1–26–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2016–.

Розанов

НА РГО, Р-XXXVI, № 48, Розанов А. И., Простонародная медицина в Саратовском уезде, 1889.

Романов 1891

Романов Е. Р., *Белорусский сборник*, 5, Витебск, 1891.

СБГ, 1–5–

Словарь брянских говоров, 1–5–, Ленинград, 1976–1988–.

СВорГ, 1–3–

Словарь воронежских говоров, Г. Ф. Ковалев, науч. ред., 1–3–, Воронеж, 2004–.

СГРС, 1–7–

Словарь говоров Русского Севера, А. К. Матвеев, М. Э. Рут, отв. ред., 1–7–, Екатеринбург, 2001–2018–.

Селиванов 1886

Селиванов А. И., Этнографические очерки Воронежской губернии, *Воронежский юбилейный сб. в память трехсотлетия г. Воронежа*, 2, Воронеж, 1886, 69–116.

Сибирска вольгота

Русско-сибирский словарь, *Сибирска вольгота* (http://volgota.com/sites/default/files/siberian_dictionary.doc).

- СКГ, 1–5–
Словарь курских говоров, 1–5–, Курск, 2004–2014–.
- СОГ, 1–16–
Словарь орловских говоров, Т. В. Бахвалова, ред., 1–16–, Ярославль, Орел, 1989–2016–.
- СРГК, 1–6
Герд А. С., ред., *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.*
- СРГСУ, 1–7
Словарь русских говоров Среднего Урала, 1–7, Свердловск, 1964–1988.
- СРНГ, 1–47–
Филин Ф. П., Сороколетов Ф.Ф., Мызников С.А., ред., *Словарь русских народных говоров, 1–47–, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2014–.*
- Тимофеев 2013
Тимофеев П. Т., ред., *Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг., Донецк, 2013.*
- Тростянский, Гришкин 1916
Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губернии по поручению императорской АН В. И. Тростянским, И. Гришкиным и др., А. А. Шахматов, подг. к печати, примеч., *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 95, 1, С.-Петербург, 1916, 125–158.*
- Харламов 1901
Харламов М., Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Ейске, *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 29, 3, Тифлис, 1901, 1–48.*
- Хильманович 2017
Хильманович Г. И., *Словарь курских народных говоров, Бирск, 2017.*
- Шейн 1893
Шейн П. В., *Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края, 2, С.-Петербург, 1893.*
- ЭССЯ, 1–41–
Трубачев О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, 1–41–, Москва, 1974–2018–.*
- Podbereski 1880
Podbereski A., *Materiały do demonologii ludu Ukraińskiego, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, 4, 1880, 3–82.*
- Talko-Hryncewicz 1893
Talko-Hryncewicz J., *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej, Kraków, 1893.*

Литература

- Агапкина 2019
Агапкина Т. А., *Деревья в славянской народной традиции. Очерки, Москва, 2019.*
- Белова, Петров 2010
Белова Т. В., Петров А. А., «Свое» и «чужое» болото в фольклорных текстах, *Русское болото: между природой и культурой. Материалы международной конференции, Тверь, 2010, 52–59.*
- Березович 2007
Березович Е. Л., *Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования, Москва, 2007.*

Валодзіна 2009

Валодзіна Т. В., *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, Мінск, 2009.

Володина 2013

Володина Т. В., Зубищи, теменник, теменной зуб: опыт этномедицинского исследования, *Palaeoslavica*, 21/1, 2013, 58–86.

Воронцова, Галинова 2017

Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В., К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии), *В созвездии слов и имен: Сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут*, Е. Л. Березович, отв. ред., Т. Н. Дмитриева et al., ред., Екатеринбург, 2017, 453–466.

Иванов, Топоров 1965

Иванов В. В., Топоров В. Н., *Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период*, Москва, 1965.

Кабакова 2015

Кабакова Г. И., *Русские традиции застолья и гостеприимства*, Москва, 2015.

Колосько 2010

Колосько Е. В., Метафорический перенос «растение – человек» в русских народных говорах, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований*, 6/1 (= В. Б. Колосова, отв. ред., *Этноботаника: растения в языке и культуре*), С.-Петербург, 2010, 69–77.

Костина 2008

Костина Л. Ю., *Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты*. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, 2008).

Лоскутова 2010

Лоскутова Д. Н., *Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области*, (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, 2010).

Мадлевская 2007

Мадлевская Е. Л., сост., *Русская мифология. Энциклопедия*, Москва, 2007.

Меркулова 1963

Меркулова В. А., Слав. *žab-; праслав. *žagovъjъ 'высокий, прямой', *Этимология*, Москва, 1963, 72–80.

СУС

Бараг Л. Г. et al., сост., *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, Ленинград, 1979.

Толстая 2005

Толстая С. М., Ритм и инерция в структуре заговорного текста, Л. Г. Невская, ред., *Заговорный текст. Генезис и структура*, Москва, 2005, 292–308.

——— 2008

Толстая С. М., *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва, 2008.

Щепанская 2003

Щепанская Т. Б., *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.*, Москва, 2003.

References

- Agapkina T. A., *Trees in Slavic tradition. Essays*, Moscow, 2019.
- Anikin V. P., ed., *Russkie zagovory i zaklinaniia. Materialy fol'klornykh ekspeditsii 1953–1993 gg.*, Moscow, 1998.
- Baiburin A. K., ed., *Velikorusskie zaklinaniia: Sbornik L. N. Maikova*, St. Petersburg, Paris, 1992.
- Belova T. V., Petrov A. A., «Svoe» i «chuzhoe» boloto v fol'klornykh tekstakh, *The Russian peatbog: between the nature and the culture. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Tver, 2010, 52–59.
- Berdyayeva O., ed., *Fol'klor Novgorodskoi oblasti: istoriia i sovremennost'*, Moscow, 2005.
- Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.
- Dobrovolskaya V. E., Morozov I. A., Smolitskii V. G., eds., *Fol'klor Sudogodskogo kraia*, Moscow, 2001.
- Ivanov V. V., Toporov V. N., *Slavianskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy. Drevnii period*, Moscow, 1965.
- Kabakova G. I., *Russian traditions of feast and hospitality*, Moscow, 2015.
- Kolosjko E. V., On “plant – man” metaphoric transferences in Russian dialects, *Acta linguistica Petropolitana – Trudy Instituta lingvistikeskikh issledovanij*, 6/1 (= V. B. Kolosova, ed., *Ethnobotanika: Plants in Language and Culture*), 2010, 69–77.
- Kuznetsova V. P., ed., *The Russian Calendar and Ritual Folklore of Siberia and the Far East. Songs, Charms and Spells* (= Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, 13), Novosibirsk, 1997.
- Lipinskaya V. A., ed., *Zagovory, molitvy i okhranitel'nye spiski russkogo naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri*, L. V. Danilova, A. K. Sokolova, *Traditional experience in the treatment of nature in Russia*, Moscow, 1998, 480–526.
- Madlevskaia E. L., ed., *Russkaia mifologija. Entsiklopediia*, Moscow, 2007.
- Mansurov A. A., *Opisanie rukopisei etnologicheskogo arkhiva Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*, 4, *Trudy Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*, 39, Ryazan, 1930.
- Mekhnetsov A. M., Valevskaia E. A., Lobkova G. V., eds., *Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoi oblasti: obzor ekspeditsionnykh materialov*, 2, Pskov, 2002.
- Merkulova V. A., Slav. *žab-; praslav. *žarov“j” ‘vysokii, priamoi’, *Etimologija*, Moscow, 1963, 72–80.
- Shchepanskaia T. B., *Kul'tura dorogi v russskoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.*, Moscow, 2003.
- Timofeev P. T., ed., *Results of international students' folk-ethnic field studies carried out by Donetsk national university in Verkhonii Don (Volgograd and Rostov regions: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012)*, Donetsk, 2013.
- Tolstaya S. M., *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshch斯拉vianskoi perspektive*, Moscow, 2008.
- Tolstaya S. M., Ritm i inertsiiia v strukture zagovornogo teksta, L. G. Nevskaia, ed., *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura*, Moscow, 2005, 292–308.
- Valodzina T. V., *Zubishchi, temennik, temennoi zub: opyt etnomeditsinskogo issledovaniia, Palaeoslavica*, 21/1, 2013, 58–86.
- Valodzina T. V., *Tsela chalaveka: slova, mif, rytual*, Minsk, 2009.
- Vasylenka M. H., Shevchuk T. M., eds., *Vy, zori zorytsi. Ukraïns'ka narodna mahichna poeziia (Zamovliannia)*, Kiev, 1991.
- Verderevskaia N. A., Razzhivin A. I., *Zagovory. Posobie po folkloru*, Elabuga, 1996.
- Vorontsova Y. B., Galinova N. V., On the motivation of compounds formed from verbs designating eating (with reference to Russian lexis and anthropology), *V sozvezdii slov i imen: Sbornik nauchnykh statei k iubileiu Marii Eduardovny Rut*, E. L. Berezovich, T. N. Dmitrieva, eds., Yekaterinburg, 2017, 453–466.

Татьяна Алексеевна Агапкина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Москва, Ленинский пр., 32а.
Россия / Russia
agapi-t@yandex.ru

Елена Львовна Березович, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 306.
Россия / Russia
berezovich@yandex.ru

Received January 12, 2020